

Красота, которая ВСЕГДА со мной

Александр Васильев, театральный художник, историк моды, коллекционер проживает по адресу "Мир искусства". Он совершеннейший француз: вежливый поклон и вежливый отказ, сдержанное недоумение и сдержанная радость, непереносимое "как это по-русски?" и "мадам-зоолог мне возразит, когда перо в этой шляпе не райской птицы". И удивляет Васильев скорее хорошим русским, чем иностранным интонированием. Художник Васильев — близок многим театральным труппам, среди них Королевский Балет Фландрии (костюмы к "Идиоту" в постановке Пановой на музыку Шостаковича), Королевский Национальный театр Великобритании (оформление спектакля "Поэт-Изгнанник" о Цветаевой), Шотландский балет, Тосканский балет Флоренции. Всего более 60 спектаклей в 18 странах.

Историк костюма Васильев-желанный гость музеев и галерей, мало того что способный атрибутировать их коллекции, но и произнести волшебную фразу "помочь вам мне совсем не-трудно". Скажем, выслать слайды "нечто единственного в мире", им запечатленного в некоем стамбульском музее.

По истории костюма Васильев читает лекции, где затаившей дыхание публике открываются столетние хитрости, скрываемые салонными портретами. Тряпичные тапочки, охраняющие женские ножки от болей в косточках, кокетливо выставляемые из-под платья. Шелковые чулки, вышитые цветками, и сокровенные подтяжки с фривольными девизами: "Если вы зашли так далеко, идите дальше" или "Хороший охотник знает, где скрывается зайчик". А также секреты волосных браслетов и колье, гребешков на шиньоны, хрустальных флаконов с запахами, записных книжек в серебре, вуалей, зонтов из тростника.

После лекций Васильев отвечает на вопросы, его не отпускают и зовут в кафе. Он общителен, энергичен, доброжелателен. За последние годы не раз публиковался в российской прессе и появлялся на ТВ, где когда-то, ребенком, вел "Будильник" и "Театр Колокольчик". В общем, "многие страны стали приглашать этого пристрастного художника", как с досадной опечаткой сообщает "Коммюнике для прессы", составленное Лаурой фон Гартенхаузен.

Бывает так, что биография героя пишется задолго до его рождения.

— Вы читали пресс-релиз обо мне? Семь страниц. Нет? Там все-все.

(Дед нашего героя был морским офицером и статским советником, впоследствии — инспектором Волжского пароходства, обладавшим к тому же исключительным тенором. Имя деда Павла Петровича Васильева. Три сестры его — Екатерина, Наталья, Ольга — стали женами (соответственно) Михаила Нестерова, художника, Александра Козловского, хирурга Императорской ставки, и Ивана Варфоломеева, тенора Дягилевской антрепризы.

Род Васильевых, потомственных купцов II гильдии подмосковного города Коломны идет от почетного гражданина П. П. Васильева, женившегося на дворянке-бесприданнице О. В. Чичаговой, происходившей из семьи морских министров Екатерины Великой и Александра I, известными сражениями в Русско-Шведской войне и при переправе Наполеона через Березину. — Пресс-релиз.)

Я имею очень интернациональный, космополитический вкус. Ведь каждой стране соответствует

Продолжение на странице 16

Жизнь и творчество - 1997 - 6-13

15 страница, с 16.

Окончание. Начало на странице 15

— По истории моды я являюсь почитателем очень многих талантов, среди которых выделю Ларжилье, Лонни, Батони, Стивенса, необходимых для меня с их талантами живописцев и обозревателей.

— Эти же имена отражают и ваши непрофессиональные живописные пристрастия?

— Пожалуй, все-таки живопись эпохи романтизма, которую собираю больше всего. И то, что мне близко в быту, потому что я человек искусства. Для меня "красота" не только фигурально: "спасает мир", но буквально спасает мою жизнь. Где бы я ни жил, я живу, окруженный произведениями искусства. Для меня очень важно иметь перед собой зрительные образы.

— Трудно не заметить, что аксессуары имеют значение не только в ваших лекциях, но и в костюме.

— Я очень много пользуюсь историческими аксессуарами в жизни. Например, у меня много кэшей, лорнетов, трубок, одноглазодок, аксессуаров прошлого, которые сейчас кажутся архаичными...

— Одноглазодок?

— Это как будто часть биноклика, одна его половина — маленькая подзорная труба. И эти аксессуары мне близки потому что в них жизнь. Когда я вижу старинную вещь, испытываю восторг: общения с нею, осознания. Поэтому я люблю аксессуары, хотя не думаю, что одеваюсь архаично, старомодно. В молодости я был жертвой моды, следил за ней, старался быть всегда не только в ногу, но и впереди.

— Сегодняшним днем вы не ангажированы?

— Очень мало, очень отвлеченно. Более того, будущим временем скорее, чем нынешним. Но я уверен, что живу в ритме жизни и знаю о современности очень много, хотя, возможно, исключительно ее хорошие стороны.

— Как велико ваше кокетство, когда свою коллекцию вы называете "моя маленькая"?

— Коллекция была неоднократно опубликована во многих западных журналах, в частности в "Архитектурных достижениях", самом знаменитом американском журнале по вопросам интерьера и коллекциям, и в очень известном английском журнале "Мир интерьера", осветившем детали моей французской коллекции: более 500 платьев, начиная с начала XX веков, около четырех тысяч фотографий, масляные портреты. Это хранение не является музейным, потому что я не музей, а, скажем, просвещенный коллекционер.

— Как это хранится?

— Картины на стенах, а платья в специальных коробках, в специальной темной комнате, чтобы они не выгорали на свету.

— Что в коллекции вам наиболее дорого, что полюбилось вам в качестве случайной находки?

— Все драгоценно и все находки. То и другое встречается и сегодня в разных странах. Находки могут случиться в Буэнос-Айресе, в Макао, в Сингапуре, во Флоренции. Каждая страна преподносит мне сюрпризы в образе вещей, которые я стараюсь, если могу, приобрести. Но я не отношу себя к разряду богатых людей, потому что работаю ради себя, так что часто не могу позволить себе вещи, что вижу. Был замечательный случай: серия русских кошельков XIX века, их я нашел в Югославии, в Белграде, перед началом гражданской войны. Такими редкими находками. И со всеми находками затем я много работаю, восстанавливая атрибуцию, занимаясь реставрацией. Не один, но с профессионалами-реставраторами. Поэтому почти все вещи, проходящие через меня, очень много мне рассказывают.

— Случается ошибаться при атрибуции?

— Бывают и ошибки. Я могу определить вещь, но до двух лет — это профессия. Стараться не ошибаться.

— Как ваши личные ценности взаимодействуют с историческими?

— Я думаю, что это проблема вкуса. Не столько эрудиции и знаний, сколько вкуса. И я определяю только по тому "лежит у меня сердце к этому или не лежит". И, безусловно, в свои лекции, в свое оформление я вкладываю свое видение и свои мысли, которые, может быть, совсем чужды другим. Я уверен, что обладаю "мирикусническим" вкусом, и это меня не пугает. Думаю, поэтому я выбираю вещи именно так.

— Виртуозность, с которой вы идентифицируете исторические портреты, помогает атрибутировать современное искусство?

— Конечно. Более-менее могу определять. Но самое интересное, если вы меня разбудите ночью и попросите рассказать что-то о костюме Месопотамии или прочитайте мою лекцию в любое время, я готов. Видимо, благодаря довольно крепкой памяти. Потому что готовясь к лекции, я должен лишь собрать диапозитивы в определенном порядке, но не должен повторять текст или, скажем, сидеть над учебником. Мои лекции идут спонтанно и вовсе не потому, что я заглядываю в какие-то записки или шпаргалки, как это характерно для педагогов, которые не вполне знакомы со своим материалом.

— Описывая портрет, вы часто пользуетесь формулой "приличный человек". Что составляет для вас понятие приличия?

— Я думаю, что мода очень связана с традициями. Комильфо, и для меня поведением приличного человека является

Красота, которая ...

Простите некоторую тавтологию. Без всякого кокетства скажу, что разговариваю на семи языках. И хотя мой родным языком является русский, я не разговариваю на нем ежедневно. Так что иногда у меня бывают сбои и повторения, о которых я пытаюсь избавиться.

— Что составляет общность вашей коллекции или, говоря иначе, что, на ваш взгляд, свойственно моде во все времена?

— Пока что, я бы сказал, сексуальное разделение между полами. И, может быть, идея одеваться. Самым живительным среди них, конечно, является сама мода, страсть к переодеванию. Это единственная вещь, которая остается неизменной.

— Скорее это "эмигрантский синдром". Реакция ожидания встречи. Обстоятельства переездов формировали ваш характер?

— Я не знаю... Я стойкий или нестойкий, ранимый или неранимый. Потому что, думаю, достаточно хитер и достаточно легко обводим, так что трудно судить. Зависит от напасти. Могу быть стойким, могу ранимым.

— Как давно вы плакали на спектакле?

— У-у... Глупый, может быть, ответ на серьезный вопрос... Плачу чаще на балете, чем на драме, потому что меня скорее потрясает интерпретации без слов, как поражает мое кино больше, чем говорящее. И, скажем, очень люблю первый акт "Жизели" в интерпретации Галины Пановой, он производит на меня большое впечатление.

— С чем связаны ваши детские театральные воспоминания?

— С мамой, в Центральном детском театре, с годовалого возраста. (Его Мать, профессор Татьяна Ильинична Васильева, урожденная Гулевич, драматическая актриса и преподаватель, студийка первого выпуска Школы-Студии МХАТ, происходит из старинной западно-белорусской семьи. — Пресс-релиз.)

Первая вещь, которую я увидел в театре, была костюмом жабы в исполнении актрисы Тони Соболевой, и я его до сих пор помню. Мне был один год. Увидев эту жабу, я очень испугался, но, знаете, она на меня произвела большое впечатление, и театр остался с годовалого возраста в моей жизни.

— Кинематографу не довелось произвести подобного впечатления?

— Я очень часто смотрю старые фильмы, иногда два за вечер. Среди любимых назвал бы "Касабланку" с Хамфри Богартом и Ингрид Бергман, и "Ниночку" с Гретой Гарбо.

— Вы их пересматриваете?

— Пересматриваю без конца. Каждый вечер, когда я дома.

Эскиз костюма к балету "Щелкунчик" Королевского Балета Фландрии Датская шляпа 1880 года из коллекции Васильева

Беседовала Алиса ХМЕЛЬНИЦКАЯ.

Эскиз костюма к балету "Щелкунчик" Королевского Балета Фландрии Датская шляпа 1880 года из коллекции Васильева